

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И КОНФЛИКТ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУСИ И РОССИИ¹

М.В. Дмитриев

Аннотация. В статье суммированы наблюдения в пользу тезиса, что византийско-православная традиция, унаследованная Древней Русью, вступала в конфликт с «этническим» определением «русскости»; представлена гипотеза, что в этом отношении опыт Руси (и Византии) существенно отличался от опыта «латинской» Европы. За этими выводами стоит опыт осуществления международной исследовательской программы, сосредоточенной на функциях христианских традиций в формировании дискурсов протонационального самосознания в Средние века и раннее Новое время. Уже в восточнославянском средневековье мы видим немало существенных отклонений от западного образца («языки» вместо «nationes», «люди» вместо «народа» / «populus» / «natio» / «gens», например). Дискурсы «этнической» самоидентификации были странным образом не развиты, а конфессиональная самоидентификация становилась всё более распространенной. Эти «отклонения» росли в числе и углублялись в своем содержании в Московской Руси в XVI–XVII вв. «Этническое» понимание «русскости» оставалось маргинальным; внеэтническая привязанность к конфессиональному, династическому и политико-государственному принципам в построении самоидентификации доминировала.

Ключевые слова: этнос, этничность, славяне, русское национальное самосознание.

Дмитриев Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян (ИЮЗС) исторического факультета МГУ, директор Центра украинистики и белорусистики исторического факультета, ведущий научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, dmitrievm@ceu.hu.

---

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

THE CYRIL & METHODIUS TRADITION AND THE CONFLICT OF THE CONFESSIONAL AND ETHNIC IN HISTORICAL MEMORY OF RUS' AND RUSSIA

M.V. Dmitriev

Abstract. The article summarizes observations in favor of the thesis that the Byzantine-Orthodox tradition, inherited by Ancient Rus', came into conflict with the "ethnic" definition of "Russianness"; a hypothesis is presented that in this respect the experience of Rus' (and Byzantium) differed significantly from the experience of "Latin" Europe. Behind these conclusions is the experience of implementing an international research program focused on the functions of Christian traditions in the formation of discourses of proto-national self-awareness in the Middle Ages and early New Times. Already in the East Slavic Middle Ages, we see a lot of significant deviations from the Western pattern ("jazyki" instead of "nationes", "lyudi" instead of "narod" / "populus" / natio / gens etc.). Discourses of "ethnic" self-identification strangely were not developed, and confessional self-identification became more and more widespread. These "deviations" grew in number and deepened in their content in Moscow Rus' in the 16th – 17th centuries. The "ethnic" understanding of "Russianness" remained marginal; the extra-ethnic attachment to the confessional, dynastic and political-state principles dominated in building self-identification.

Keywords: ethnos, ethnicity, Slavs, Russian national self-awareness.

Dmitriev Mikhail V., Doctor of Science (History), Professor, Department of History of the Western and Southern Slavs at the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Director, Center of Ukrainian and Belarusian Studies (LMSU), Senior Research Fellow, Centre for Medieval Studies at National Research University Higher School of Economics; 27/4, Lomonosovskiy Av., Moscow, 119192, Russia, dmitrievm@ceu.hu.

Сложилась традиция патетически говорить и писать о кирилло-мефодиевской традиции как о «фундаменте», «цементе», «основе», «истоке» межславянских связей и идеологии (призрачной, на самом деле) «славянского единства», некоего якобы существующего особого культурного и «духовного родства» славянских народов и т.п. Эти широко распространенные и на девяносто процентов ложные идеи имеют вполне ясную историческую генеалогию, возвращающую нас и к романтическим, и к корыстно-прозаическим иллюзиям XIX в.

Данные иллюзии порождены не столько славянофильством и панславизмом, сколько тем фактом, что европейский мир (точнее его западная и центрально-европейская части) в XIX в. принимал «национальное» и «этническое» за что-то само собой разумеющееся, «общечеловеческое» и непременно прогрессивное... Солунские братья как просветители славянства прекрасно вписывались в эту канву, потому что они, как считалось, снабдили «наших предков» языком и идеями, позволявшими противопоставить славян и не-славян. На самом деле значение подлинного подвига Кирилла и Мефодия, переведших на ими же созданный письменный язык и саму Библию, и громадный массив религиозных текстов, состояло в том, что значительная часть населения Восточной и Юго-Восточной Европы получила доступ к византийской христианской традиции – то есть не только к «христианству вообще», но и к тому религиозному мировоззрению, которое по ряду очень существенных параметров отличалось от католицизма. Это сделало европейскую христианскую культуру вдвое богаче, чем если бы она оставалась только «латинской», а – самое главное! – дало православным общинам иные ответы на ряд *религиозных* вопросов, чем ответы Римской церкви¹... Иным был и ответ византийской православной культуры на вопрос о соотношении христианства и «этнического».

ПРАВОСЛАВИЕ И NATIONES

В самом деле, «византийцы... по крайней мере, до XIII в., называли себя “ромеями” (римлянами), а свою империю – “Романией”, то есть Римской державой...» [Литаврин, 1999, с. 594]. Более того, официально «ромеи» четко и определенно отмежевывались от всякой генетической связи со своими далекими предками, античными и эллинистическими греками: слово «эллин» в устах византийца было синонимом понятия «язычник». Он отказывался от кровного родства с древними греками, говоря на греческом. В понятии «ромеи» заключался лишь политически-конфессиональный смысл. «*Ромеями* были все жители империи – подданные императора, исповедовавшие христианство восточного толка» [Литаврин, 1976, с. 203].

---

¹ Типологическая специфика двух христианских традиций как традиций европейской культуры (а не религии как таковой) и влияние этой специфики на развитие России и Запада стала предметом большого международного проекта Центра украинистики и белорусистики МГУ (см. соответствующие разделы сайта Центра – www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel).

В целом, судя по накопленным в исследованиях данным, византийские элиты не выработали сколько-нибудь отчетливых форм «этнического»/этнонационального дискурса вплоть до XV в. да и позднее, вплоть до XVI в., он был в основном чужд поствизантийской грекоязычной культуре. В XVI–XVII вв., по мере усвоения «латинской» манеры мышления, в греческой диаспоре начались перемены. Однако очень сложно было бы доказать, что греческое национальное самосознание XIX–XX вв. продолжает византийское наследие (так же, как невозможно увидеть в итальянцах наследников «римлян»), хотя идеологи греческого национализма упорно конструируют миф о преемственности между Древней Грецией, Византией и Грецией XIX–XX вв. [Никитина, Петрунина, 2005, с. 459–495].

Непоследовательной, запутанной и противоречивой была и терминология, применявшаяся к народам, жившим на территории и за пределами Византийской империи. В целом, складывается впечатление, что «этнические» различия очень мало интересовали византийских авторов, и когда речь не шла о «варварах», конфессиональные критерии безусловно преобладали над всеми иными при выработке «этнических» дефиниций. Так, вместо этнонимов «франки», «алеманы», «испаны», «инглины» и т.п., византийцы использовали термин «латины», то есть католики, термин «этники» применялся ко всем язычникам, за словом «армяне» скрывалось чаще всего указание на монофизитство, турки, арабы и другие мусульмане сливались в термине «агаряне» и т.д.

Эти аспекты византийской культуры остаются слабо изученными, но и из того, что уже известно, можно увидеть, что христианство в выработке представлений о «родине» и идентичности византийцев играло иную роль, чем на Западе.

А как дело обстояло в Древней Руси? Этот вопрос был поставлен в центр международного исследовательского проекта «*Confessiones et nationes*. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» [Дмитриев, 2008, с. 15–42], работа над которым началась осенью 2003 г. в Центре украинистики и белорусистики (ЦУБ) МГУ. С тех пор сделано довольно много¹, и оказалось, что первые результаты проекта заставляют взглянуть по-новому на ряд чрезвычайно важных вопросов.

Началось всё, собственно, не с «национального», а с конфессионального. На одном из поворотов другой большой проект ЦУБа, посвященный сравнительной истории христианских традиций, «вынес» участников наших трудов в то поле, где соседи по цеху изучали сакральные пространства. И при подготовке большого доклада о «Святой Руси» как воображаемом и «переживаемом» сакральном пространстве вдруг выяснилось, что «Святая Русь» ни в какие этнические, национальные или этнонациональные рамки никак не помещается [Дмитриев, 2012, с. 319–331; Дмитриев, 2009, с. 181–202]. Это было странно, неожиданно и многообещающе.

---

¹ Сведения о проделанной работе, материалы дискуссий, некоторые из публикаций проекта – см. на сайте Центра украинистики и белорусистики МГУ (www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel) в разделе “*Confessiones et nationes*”.

Стало видно, в частности, что дело тут не в самой «Святой Руси», а в том, как универсализм и партикуляризм христианства (наряду со святостью пространства и даже самой почвы, соотносимых со Святой Русью) понимался в византийско-православной традиции по сравнению с западнохристианской традицией. Стало чудиться, что средневековое православие как конфессионально-культурная традиция противостоит этническому прото-национализму и нормам партикулярной прото-национальной государственности много решительнее и последовательнее, чем католицизм. От национализма до империй рукой подать, и поэтому возник вопрос: какая ветвь христианства в большей степени оправдывает космополитизм и идеалы вненациональной имперскости? Вопрос этот не нов, но как бы мы его не повернули, суть его остается одной и той же: в данную эпоху и в данном регионе – христианские церкви и их духовенство, христианская традиция в целом потворствуют или препятствуют (прото-) националистическим страстям? Или, по крайней мере, несут ли за них ответственность – даже тогда, когда отказываются от вмешательства в споры о нации и этносе, считая их лежащими вне церковной жизни?

Именно в этом контексте важна тема различий между западно-христианской и восточно-христианской до-модерными традициями в том, что касается формирования и эволюции протонациональных, этнонациональных и национальных представлений¹. Тема эта огромна, из самой ее постановки видно, что речь идет о связи между средневековыми традициями и феноменами XIX–XX вв., и в рамках небольшого текста сказать можно лишь очень немногое. Видимо, есть основания выдвигать и развивать тезис о том, что различия в этом отношении между православными и западно-христианскими культурами довольно велики – но вовсе не в том смысле, в каком обыкновенно эти различия мыслятся в научной и вненаучной среде, где широко распространено мнение, что православные традиции способствуют этническому национализму много больше, чем традиции западного христианства².

Это повсеместно курсирующее мнение основывается, главным образом, на опыте инструментализации институтов православной церкви националистическими движениями и правительствами Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. Однако в XX в. многие институты, воззрения, движения, претендовавшие на «православность», на самом деле, как достаточно хорошо известно, очень часто стояли фактически вне традиций, созданных в Византии, и, если последние принять за критерий «православности», претензия многих общественно-политических сил XX в. на преемственность по отношению к древнему восточно-христианскому наследию предстанет как совсем малоосновательная. Поэтому выдвигая тезис о том, что *традиционно-византийское православие*, сохранявшееся чаще всего вне «официальных церквей» XIX–XX вв., препятствовало развитию этнических национализмов, мы имеем в виду именно средневековое наследие восточного христианства.

---

¹ Насколько мне известно, лишь П. Китромилидис поставил эту проблему [Kitromilides, 1990, p. 23–66; Kitromilides, 1989, p. 149–192; Kitromilides, 1994].

² Два из многих возможных примеров: [Thiriet, 1978, p. 123–134; Thual, 1994, p. 18].

Этот контекст позволяет критически взглянуть на мнение, что в Московской Руси и Российской империи широко бытовала формула: «русский – значит, православный», что, якобы, издревле считалось: быть русским – это означает непременно быть православным. На самом деле, если мы внимательно ознакомимся с дожившими до нас текстами XV–XVII вв., то придем к парадоксальному выводу: видеть в православии атрибут русскости совершенно неверно.

Наши предки, жители Московской Руси, безусловно, называли себя и русскими, и православными. Но что они понимали под словом «русский»? Они были подданными русского царя, они жили в Русской земле – и именно поэтому назывались «русскими». То есть: очень важно понять, что понятию «русский» они не придавали *этнического* смысла. Не «русскость» выражала себя через православие, а православию понималось как нечто, если хотите, тотальное, как альфа и омега всего миропонимания и не соотносилось с «русскостью» в нынешнем значении этого слова.

На католическом и протестантском Западе было не так. Когда развернулись французские религиозные войны, с середины и до конца XVI в., очень остро стоял вопрос: может ли француз не быть католиком? В Германии того же времени протестантизм стал атрибутом рождавшегося немецкого национализма. В Польше XIX в. принадлежность к польскому народу теснейшим образом увязывалась с принадлежностью к католической церкви. В XV в. религиозные конфликты в Чехии понимались как противостояние чехов и немцев. Если спуститься еще дальше в средневековье, окажется, что в «латинских» культурах христианство никак не несло собой «этничность».

Мы же сейчас (даже те среди нас, кто составляет паству христианских церквей) слишком большое значение придаем этничности, в частности, русской. К этому подверстываются псевдоисторические аргументы – именно «псевдо», потому что как во времена Московского царства, так и во времена Российской империи самоидентификация элит не предполагала того этнического наполнения, которое свойственно нынешнему нашему языку. Отсюда и происходит ложное приравнение русского и православного – в том смысле, что если ты русский – по языку, по культуре, то обязан быть православным. А исторический опыт показывает, что быть русским – означало жить на территории русского государства, быть лояльным монархии и исповедовать православную веру. И всё! Ничего иного в понятие «русский» не входило.

Причина же нашего нынешнего взгляда на этническое – в том, что наша современная культура построена на матрице, заимствованной из западноевропейской культуры. А на Западе еще в средние века выработался взгляд на этничность как на что-то отдельно существующее и крайне значимое в народной жизни. В отличие от этого на Руси – со времен удельной раздробленности и вплоть до конца XVII в. – этническое или вытеснялось очень далеко на периферию сознания, или вообще не замечалось.

МИФ ЭТНИЧЕСКОГО?

Как же, когда и почему в нашу культуру вошли понятия «этнос», «национальность», которые мы ошибочно «пристегиваем» и к кирилло-мефодиевской традиции?

Историки хорошо знают, что в европейском девятнадцатом веке столкнулись два разных подхода в ответе на этот вопрос о национальной идентичности. В Центральной и Восточной Европе, а затем и в России, с конца XVIII в. возобладали «немецкий» подход, когда «немецкость» или «польскость», или «русскость», или «славянскость» понимались как принадлежность к определенному этносу. Слово «этничность» не считалось негативным, в русскую культуру оно вошло в XIX в., но его настоящий триумф состоялся лишь в XX в., в советское время, когда стали говорить об этносах, перерастающих в нации. Понимание национального как этнического и этнического как некоей онтологической реальности обрело статус непререкаемой научной истины.

Но в XIX в. «немецкому» подходу противостоял «французский» подход, для которого нация была политическим объединением и чувством единства и солидарности граждан одного государства. И французский академический мир до сих пор резко отторгает слово «этничность», когда речь идет о принадлежности к французской нации. В американском же обиходе (и потом – в науке) понятие «этничности» появилось только в 30-е гг. прошлого века и применительно к расовым меньшинствам, из-за того, что американское общество состояло и состоит из белых, и из негров, латиноамериканцев и азиатов.

Однако советский триумф представлений об этнической основе наций не имеет серьезного научного обоснования. Эти представления неадекватно отражают мировосприятие людей и реалии прошлого, а по большому счету неадекватны ни нынешним реалиям, ни современным научным представлениям о нациях и национализме¹. Хуже того, эти мифы стали частью обыденного сознания. Это составная часть идеологии, идущей из советских времен. В 1930-е гг. в паспорта начали записывать национальность, причем национальность писалась либо по отцу, либо по матери. Нельзя было не заполнять эту графу, и нельзя было одновременно записаться, к примеру, грузином и осетином, или грузином и армянином, или украинцем и евреем, или поляком и русским. Или – не записаться никем... «Нет, – говорил вам сотрудник ЗАГСа, – вы обязаны записаться или записать ребенка кем-то одним...». И поэтому в нашу жизнь вошло естественное, как мы привыкли думать, убеждение, что все принадлежат к той или иной этнической группе. С исторической точки

---

¹ Литература по теории национализма огромна. Репутацию классических имеют исследования Б. Андерсона [Андерсон, 2001], Э. Гелнера [Гелнер, 1991], Х. Кона, [Kohn, 1967], Хобсбаума [Hobsbawm, 2003], Р. Брубейкера [Brubaker, 2009], Э. Кедури [Kedourie, 1960]. В России конструктивистская концепция нации нашла отражение в многочисленных работах А.И. Миллера [Миллер, 1977, с. 141–151; 1995, с. 55–60; 2012, с. 124–132] и В.А. Тишкова [Тишков, 1998, с. 3–27; 2001; 2002, с. 19–25; 2003; 2006, с. 30–38], а также в ряде обобщающих коллективных трудов [Национализм и формирование наций ... 1994; Религиозные и этнические традиции ... 2008].

зрения всё это очень шатко, но фактом является то, что наше современное мышление насквозь «этнизировано».

А если мы вернемся в средневековую Русь, можно будет более внимательно приглядеться к тому, что именно означало слово «русский» и его дериваты. В частности, обнаружится, что есть большая разница между тем, как воспринимали «русскость» на самой Руси, и как воспринимали это наши западные соседи. Если взять восточноевропейские хроники – польские, чешские или венгерские – то окажется, что для них «русины» или «русские» – это некий этнос. Слово «этнос», правда, тогда еще у них не употреблялось, они использовали «gens» или «natio», в смысле принадлежности к некоей культурной и языковой этнической общности.

Но вот в самом Русском государстве, как я уже упомянул, тогдашние тексты отражают совсем иное понимание русскости. Глядя на себя, русские люди не мыслят этническими категориями (общий язык, общее происхождение, общая «национальная» идентичность...). Они смотрели на себя, во-первых, как на православных христиан (если были православными) во-вторых, как на подданных русского царя (или православных, или иноверцев-иноземцев). Представления о «русском народе» в источниках допетровской Руси или отсутствуют вовсе, или лишь буквально «промелькивают» там или сям. Есть представления о «русской земле», о «русском царстве», «русских князьях», даже о «русских людях» – но не о «русском народе». Русские люди – это подданные («граждане», если хотите...) русского царя. И татары, и протестанты, и буддисты (и их было немало в Московской Руси), и язычники виделись в этом смысле как «русские люди», то есть подданные российских самодержцев. Аналогично литовскими людьми считались жители Великого Княжества Литовского, польскими людьми – те, кто служит польскому королю, «татарскими» людьми – те, кто служит татарским ханам.

Приведу пример. В 20-е гг. XVII в. русский воевода отмечает, что приехал некий Дмитрий Юрьев, который следует из греческой земли в Москву. Этот Дмитрий Юрьев сначала проходит как литовец – потому что в греческую землю он направлялся из Литвы, а затем как гречин – потому что в Литву он прибыл из греческой земли. Или вот, допустим, выражение «вишневецкие люди» или «острожские люди». Что такое «вишневецкие люди»? Этнос? Нация? Конечно же, нет... Это люди, которые живут во владениях Вишневецкого или Острожского. То же самое относится к «литовским людям». Это что, этнические литовцы? Ничего подобного! Это люди, приехавшие из пределов Великого Княжества Литовского. И то же самое происходит в случае «московских» людей или «русских людей»! В двух словах: наши источники свидетельствуют: язык этничности старомосковской культуре был в высшей степени чужд...

Но неужели все так просто? Почему долгое время мы не замечали столь странных особенностей допетровской культуры? Тут мы имеем дело с серьезной проблемой. Это проблема нашего современного языка, который зачастую очень превратно выражает реалии тогдашней жизни. Мы переводим на современный русский тексты

времен Московского царства – и при этом подчас невольно искажаем их реальный смысл, используя понятие «русский народ», «этническое самосознание», «национальные представления»... Поэтому и появляются представления о некоем чувстве «национального» превосходства, о «национально»-религиозном мессианизме, об «этнической» ксенофобии. Это – анахронизм, а ведь грех анахронизма, как часто и справедливо говорят, самый страшный грех историка... Нельзя приписывать людям прошлого современные представления. Мы отличаемся от наших предков гораздо сильнее, чем нам порой кажется.

Но – до какого времени язык этнического оставался чужд русской культуре? И почему перестал быть чужд?

Судя по всему, представления о «русском» стали меняться во второй половине XVII в., в связи с влиянием западноевропейских норм на московскую культуру, а потом уже, во времена петровских реформ и позднее – манера мыслить о «нации» в элитарной культуре (латиноязычной, немецкоязычной, франкоязычной настолько же, насколько и русскоязычной) стала меняться стремительно. В результате значительная часть российской элиты начинает воспринимать и себя, и соседей в категориях европейского мышления, постепенно приходя к этническому пониманию русскости. Но одновременно начинаются мучения в связи со словом «народность». Что за этим стоит? Этническая стихия (*Volkstum*), так полюбившаяся немцам? Близость к народу, этакий «демократизм»? На мой взгляд, трудности возникали именно потому, что на рациональном уровне усваивалось понятие «народность» как эквивалент «этнической нации» (в нынешнем советско-российском смысле слова), а подсознательно писавшие и говорившие о «народности» люди то и дело сбивались на допетровское мировосприятие, отторгающее этнические категории...

БЫТЬ ПРАВОСЛАВНЫМ И БЫТЬ РУССКИМ СЕГОДНЯ...

Можно из прошлого перенестись в настоящее. Православная традиция России – в самом ли деле это традиция именно *русского* православия? Означает ли это, что нерусский человек, входя в Русскую православную церковь, должен непременно войти и в русскую культуру?

Отвечая на этот вопрос, необходимо оговориться. Во-первых, я не рискну судить, как эта проблема видится с *церковной* точки зрения. Тут уместнее было бы узнать мнение священнослужителей. Во-вторых, когда речь шла о прошлом, можно рассуждать, встав на позиции науки, подкрепив суждения аргументами, основанными на первоисточниках. Говоря же о современности, оказываешься в позиции человека, которому так ли иначе небезразлична поставленная проблема. Соответственно, об «объективности» можно забыть....

По сути же скажу так: невозможно говорить о православии только как о культурном феномене, а не в экклезиологическом смысле слова. Православие – это не

совокупность обрядов и обычаев, а путь спасения в церкви. Поэтому все попытки жестко увязать его с той или иной национальной культурой – русской, греческой или какой иной – кажутся сомнительными именно в собственно религиозном отношении. Церковь – это вселенский организм, и церковь, как мне кажется, принципиально отталкивает этничность. Разумеется, православие и русская культура связаны, но надо четко понимать, что в этой связке первично, а что вторично. На мой взгляд, те, кто утверждает, что быть в России православным означает быть и русским, кто приравнивает православие к «русскости», совершает большую ошибку.

Но тут мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили: к различиям между западной традицией понимания этнического и традицией русской (точнее сказать, византийско-балканско-русской). В западной традиции еще в средние века сложилось это разделение: этнический язык отдельно, религиозный – отдельно. Можно быть католиком, будучи франком, германцем, поляком, венгром... Сама принадлежность к католицизму вовсе не означает, что стираются этнические градации. Но с древнерусским самосознанием – иная ситуация, она не ложится в канон западно-христианской культуры. В византийско-славянской традиции вселенскость христианства, его наднациональный характер чувствуется гораздо острее. И тут есть одна очень важная сторона дела. Кажется, что одна из самых существенных особенностей византийского христианства состоит еще и в том, что крещение не только делает данную общину клеточкой вселенской Церкви, но и предполагает, что эта община должна перестать видеть себя принадлежащей какому-то «этническому» миру или миру...

Иллюстрируя эту мысль и завершая, хочу напомнить о замечательной книге Г.П. Федотова о русской народной религиозности [Федотов, 1991]. Это исследование основано на изучении русского христианского фольклора (духовных стихов). Федотов пишет и о том, как в таких стихах развивается тема «Святой Руси». Так вот, оказывается, что в народном восприятии «Святая Русь» сливается с понятием православной церкви – в том смысле, что это два понятия обозначают одну и ту же реальность¹. Заметим: «Святая Русь» это то же самое, что и церковь вообще, вселенская церковь, а не Русская православная церковь.

Итак, когда мы видим в приверженности к православию атрибут «русской этничности» или яркое выражение русского национального самосознания, мы забываем (или *лока* не знаем), что специфика древнерусской традиции как раз в том и состояла, что понимание русскости как пресловутой «этничности» этой традицией отторгалась... Однако в последние десятилетия мы видим опасную экспансию этнической

---

¹ «Мы сказали, что духовные стихи не знают имени Церкви в богословском смысле слова. Как же называют они христианский мир, священное общество с его таинствами, канонами и иерархией? Есть у певца слово, которое удовлетворяет признакам понятия Церкви по его внутреннему звучанию, не имея ничего церковного по форме и по происхождению. Это слово Русь, "святая Русь". Национальное имя народа сливается для певца с пределами христианского мира и, следовательно, с пределами Церкви» [Федотов, 1991, с. 95–96].

интерпретации русскости, и она становится настолько вездесущей, что высказывать противоположные взгляды порой оказывается небезопасным. Бывает, что тех, кто сомневается в связке «православие = русскость», обвиняют ни много ни мало как в «геноциде русского народа»! Мне кажется, что, наоборот, надо всячески напоминать всем читающим и размышляющим людям, как на самом деле в истории России взаимодействовали православные и этнонациональные традиции.

И еще: есть христианская вера, и есть ее локальные проявления. Нужно ли называть эти локальные проявления *национальными*? Нужно ли понимать кирилло-мефодиевскую традицию как *славянскую*? Нужно ли, к примеру, как это сейчас нередко делают на Украине, говорить о некоем особом «украинском христианстве»? Или, наоборот, об особом «русском христианстве», «американском христианстве»? Почему локальное – это непременно национальное? Почему это непременно этническое? Я могу понять, в чем религиозное различие между средневековым французом-католиком и сербом-православным. Но в чем выражаются конфессиональные различия между французом как французом и сербом как сербом? С точки зрения историка – это, по меньшей мере, ускользающие от анализа вещи. А по строгому счету «французский» и «польский» католицизм, «русское», «сербское» и «украинское» православие – это фикции...

И самое последнее: мечта о вселенскости, об универсализме, о триумфе **над** национальных начал – вспомним провозглашенный Достоевским идеал всечеловечности! – это огромное достоинство того, что мы называем русской традицией. И нам нельзя позволить утопить эту мечту в стихии «этнического»...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 126 с.

Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Под ред. М.В. Дмитриева / Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev.* М.: Индрик, 2008. С. 15–42.

Дмитриев М.В. Парадоксы «Святой Руси». «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства 16–17 вв. и фольклоре 18–19 вв. // *Cahiers du monde russe. 2012. No 53/2-3. Avril-septembre.* (спец. выпуск: L'invention de la Sainte Russie. L'idée, les mots, les images. Sous la dir. de V. Berelowitch et O. Medvedkova). P. 319–331.

Дмитриев М.В. «Святая Русь» в русском фольклоре XIX в. // *Prospice sed respice. Проблемы славяноведения и медиэвистики. Сборник научных статей в честь*

85-летия профессора Владимира Александровича Якубского. СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 181–202.

Литаврин Г.Г. Византийцы и славяне – взаимные представления // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. Сборник статей. СПб.: Алетей, 1999. С. 590–602.

Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев / под ред. В.Д. Королюка и др. М.: Наука, 1976. С. 198–216.

Миллер А.И. Национализм как теоретическая проблема (Ориентация в новой исследовательской парадигме) // Полис. 1995. № 6. С. 55–60.

Миллер А.И. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 124–132.

Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1977. Т. 2. № 4. С. 141–151.

Национализм и формирование наций: теории – модели – концепции / под ред. А.И. Миллера. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 197 с.

Никитина Т.В., Петрунина О.Е. Идея нации и национальное сознание в Греции // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / под ред. В.С. Бондарчука. М.: Зерцало-М, 2005. С. 459–495.

Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Под ред. М.В. Дмитриева / Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev. М.: Индрик, 2008. 301 с.

Тишков В.А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–27.

Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 30–38.

Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тишков В.А. Этнонационализм и новая Россия // Свободная мысль. 2002. № 4. С. 19–25.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.

Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс-Гнозис, 1991. 186 с.

Brubaker R. *Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the new Europe*. Cambridge Univ. Press, 2009. 202 p.

Hobsbawm E.J. *Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*. Second ed., Cambridge Univ. Press, 2003. 214 p.

Kitromilides P.M. “Imagined Communities” and the Origins of the National Question in the Balkans // *Modern Greece: Nationalism and Nationality* / Ed. by M. Blinkhorn and Th. Veremis. Athens: Sage-Eliamep, 1990. P. 23–66.

Kedourie E. *Nationalism*. London: Hatcinson, 1960. 151 p.

Kitromilides P.M. «Imagined Communities» and the Origins of the National Question in the Balkans // *European History Quarterly*. 1989. Vol. 149–192.

Kitromilides P.M. *Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy*. London: Variorum-Ashgate Publishing Limited, 1994. 453 p.

Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in its Origins and Background*. New York: Macmillan, 1967. 800 p.

Thiriet F. Orthodoxie et nationalisme(s) // *Aspects de l'Orthodoxie. Structures et spirituelle. Colloque de Strasbourg (novembre 1978)*. Paris: PUF, 1981. P. 123–134.

Thual Fr. *Geopolitique de l'Orthodoxie*. Paris: Dunod Editeur, 1994. 133 p.

REFERENCES

Anderson B. *Voobrazhaemye Soobshchestva. Razmyshleniya ob Istokakh i Rasprostraneni Natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-press-Ts; Kuchkovo pole, 2001. 288 p. (in Russian).

Gellner E. *Natsii i Natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress, 1991. 126 p. (in Russian).

Dmitriev M.V. Pronematika Issledovatel'skogo Proekta "Confessiones et nationes. Konfessional'nye traditsii i protonatsional'nye Diskursy v istorii Evropy [Problematics of the Research Project "Confessiones et nationes. Confessional Traditions and Proto-National Discourses in the History of Europe], in: *Religioznye i Etnicheskie Traditsii v Formirovanii Natsional'nykh Identichnostey v Evrope. Srednie Veka – Novoe Vremya* [Religious and Ethnic Traditions in Formation of National Identities in Europe in Middle Ages and Modern era] Ed. M.V. Dmitriev / *Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne*. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev. Moscow: Indrik, 2008. P. 15–42 (in Russian).

Dmitriev M.V. Paradoksy "Svyatoy Rusi". "Svyataya Rus'" i "Russkoye" v Kul'ture Moskovskogo Gosudarstva 16–17 vv. i v Fol'klore 18–19 vv. [Paradoxes of "Holy Rus'". "Holy Rus'" and "Russian" in the Culture of Muscovite State of 16th–17th Centuries and in the Folklore of 18th–19th Centuries], in: *Cahiers du monde russe. 2012. No 53/2-3. Avril-septembre*. (Special issue: L'invention de la Sainte Russie. L'idée, les mots, les images. Sous la dir. de V. Berelowitch et O. Medvedkova) (in Russian).

Dmitriev M.V. "Svyataya Rus'" v Russkom Fol'klore XIX v. ["Holy Rus'" in the Russian Folklore], in: *Prospice sed respice. Problemy Slavyanovedeniya i Medievistiki. Sbornik Nauchnykh Statey v Chest' Professora Vladimira Aleksandrovicha Yakubovskogo* [Prospice sed Respice. The Issues of Slavic and medieval Studies. Collected Works in Honor of Professor Vladimir Aleksandrovich Yakubovsky's 85th anniversary]. St. Petersburg: Faculty of History at St. Petersburg State University, 2009. P. 181–202 (in Russian).

Litavrin G.G. Vizantiytsy i Slavyane – Vzaimnye Predstavleniya [Byzantines and Slavs – Mutual Perceptions], in: Litavrin G.G. *Vizantiytsy i Slavyane. Sbornik Statey* [Byzantines and Slavs. Collected Works]. St. Petersburg: Aleteya, 1999. P. 590–602 (in Russian).

Litavrin G.G. Nekotorye Osobennosti Etonimov v Vizantiyskikh istochnikakh [Some Features of Ethnonyms in Byzantine Sources], in: *Voprosy Etnogeneza i Etnicheskoy Istorii Slavyan i Vosotchnykh Romantsev* [Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Slavs and Eastern Romances]. Ed. V.D. Korolyuk and others. Moscow: Nauka, 1976. P. 198–216 (in Russian).

Miller A.I. Natsionalizm kak Teoreticheskaya Problema (Orientatsiya v Novoy issledovatel'skoy Paradigme) [Nationalism as the Theoretical Problem (Orientation in the New Research Paradigm)], in: *Polis*. 1995. No 6. P. 55–60 (in Russian).

Miller A.I. Natsionalizm kak Faktor Razvitiya [Nationalism as the Factor of Development], in: *Obshchestvennye Nauky i Sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2012. No 1. P. 124–132 (in Russian).

Miller A.I. O Discursivnoy Prirode Natsionalizmov [On the Discursive Nature of Nationalisms], in: *Pro et Contra*. 1977. V. 2. No 4. P. 141–151 (in Russian).

Natsionalizm i Formirovanie Natsiy: Teorii – Modeli – Kontseptsii [Nationalism and Formation of Nations: Theories – Patterns – Concepts]. Ed. A.I. Miller. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences, 1994. 197 p. (in Russian).

Nikitina T.V., Petrunina O.E. Ideya Natsii i Natsional'noe Soznanie v Gretsii [Idea of Nation and National Consciousness in Greece], in: *Natsional'naya Ideya v Zapadnoy Evrope v Novoe Vremya. Ocherki Istorii* [National Idea in Western Europe in Modern Era. Essays of History]. Ed. V.S. Bondarchuk. Moscow: Zertsalo-M, 2005. P. 459–495 (in Russian).

Religioznye i Etnicheskie Traditsii v Formirovanii Natsional'nykh Identichnostey v Evrope. Srednie Veka – Novoe Vremya [Religious and Ethnic Traditions in Formation of National Identities in Europe in Middle Ages and Modern era] Ed. M.V. Dmitriev / *Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne*. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev. Moscow: Indrik, 2008. 301 p. (in Russian).

Tishkov V.A. Zabyt' o Natsii (Post-natsionalisticheskoe Ponimanie Natsionalizma) [To Forget about Nation (Post-Nationalist Understanding of Nationalism)], in: *Voprosy Filosofii* [Issues of Philosophy]. 2003. No 3. P. 30–38 (in Russian).

Tishkov V.A. *Rekviev po Etnosu* [Requiem for Ethnicity]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (in Russian)

Tishkov V.A. Etnonatsionalizm i Novaya Rossiya [Ethno-Nationalism and New Russia], in: *Svobodnaya Mysl'* [Free Thought]. 2002. No 4. P. 19–25 (in Russian).

Tishkov V.A. *Etnologiya i Politika. Nauchnaya Publitsistika* [Ethnic Studies and Politics. Scholar Publicism]. Moscow: Nauka, 2001. 240 p. (in Russian).

Fedotov G.P. *Stikhi Dukhovnye (Russkaya Narodnaya Vera po Dukhovnym Stikham)* [The Russian Faith According Spiritual Poetry]. Moscow: Progress – Gnosis, 1991. 186 p. (in Russian).

Brubaker R. *Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the new Europe*. Cambridge Univ. Press, 2009. 202 p.

Hobsbawm E.J. *Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*. Second ed., Cambridge Univ. Press, 2003. 214 p.

Kitromilides P.M. "Imagined Communities" and the Origins of the National Question in the Balkans, in: *Modern Greece: Nationalism and Nationality* / Ed. by M. Blinkhorn and Th. Veremis, Athens: Sage-Eliaep, 1990. P. 23–66.

Kedourie E. *Nationalism*. London: Hatcinson, 1960. 151 p.

Kitromilides P.M. «Imagined Communities» and the Origins of the National Question in the Balkans, in: *European History Quarterly*. 1989. Vol. 149–192.

Kitromilides P.M. *Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy*. London: Variorum-Ashgate Publishing Limited, 1994. 453 p.

Kohn H. *The Idea of Nationalism: A Study in its Origins and Background*. New York: Macmillan, 1967. 800 p.

Thiriet F. Orthodoxie et nationalisme(s), in: *Aspects de l'Orthodoxie. Structures et spiritualite. Colloque de Strasbourg (novembre 1978)* [Aspects of Orthodoxy. Structures and Spirituality. Strassburg Seminar (November, 1978)]. Paris: PUF, 1981. P. 123–134. (in French).

Thual Fr. *Geopolitique de l'Orthodoxie* [Geoplitics of orthodoxy]. Paris: Dunod Editeur, 1994. 133 p. (in French).